

К ВОПРОСУ ОБ ОРИГИНАЛЬНОСТИ
ПРОЛОГОВ ТЕРЕНЦИЯ

Степень самостоятельности и оригинальности творчества представителей римской комедии-паллиаты III-II вв. до н.э. уже долгое время является предметом ожесточенных споров, причем мнения исследователей зачастую оказывались в этих спорах полярно противоположными. Поскольку сами авторы римских комедий рассматривали свои пьесы как переводные,¹ поскольку так же смотрели на эти произведения и остальные римляне,² в Новое время неоднократно высказывались мнения о том, что Плавт и Теренций — это простые переводчики, копировавшие, причем не всегда удачно, образцы новой аттической комедии.³

Противоположная тенденция — более широко распространенная — представлена прежде всего в работах Ф. Лео,⁴ Э. Френкеля⁵ и Дж. Норвуда.⁶ Особенно усиленно самостоятельный характер творчества Плавта и Теренция подчеркивается в работах итальянских ученых, что нашло свое отражение даже в названиях этих работ.⁷

В качестве основного метода, на котором базируются соответствующие общие выводы исследователей, широкое распространение получил метод сопоставления отдельных пьес новоаттической и римской комедии,⁸ а также метод сопоставления основных особенностей творчества греческих и римских комедиографов.⁹ Особенно широкие возможности для сопоставления источника и его римской обработки открылись после публикации отрывков из комедии Менандра *Δις ἑξακτάων*, ибо после этого впервые стали доступными текстуальные сравнения (хотя и в небольшом объеме) греческого оригинала и его римской копии. Появилось большое количество работ, в которых сопоставляются *Δις ἑξακτάων* Менандра и *Vaschides* Плавта.¹⁰ Однако энтузиазм, вызванный публикацией новых текстов Менандра, в значительной мере прошел, и мы, кажется, должны вернуться к старому положению о том, что

вопрос об отношении римской комедии к ее греческим образцам может быть решен в ту или иную сторону только в том случае, если пьески Египта дадут нам новый текстуально сопоставимый материал значительного объема, включая таких авторов, как Аполлодор, Дифил и Филемон.¹¹

Вместе с тем, по-видимому, нужно отказаться от вычленения оригинальных элементов в творчестве Плавта и Теренция, основанного на несколько примитивном методе: то, чего нет в сохранившихся комедиях и фрагментах *véa*, является продуктом самостоятельного творчества римских комедиографов. Прежде всего из 160 авторов новой аттической комедии мы более или менее знакомы лишь с Менандром. А если учесть, что Менандр написал свыше 100 комедий, станет совершенно ясным, что то, что нам известно о греческих оригиналах римской комедии, — это капля в море. Уже публикация единственной дошедшей до нас полностью комедии Менандра — *Δόσολος* внесла весьма существенные изменения в наши сведения о характере творчества этого автора.¹² О других представителях новой и обо всех авторах средней аттической комедии наши знания практически почти равны нулю. В этой ситуации многие утверждения о полной самостоятельности Плавта или Теренция могут оказаться сильно преувеличенными, объяснимыми лишь скудностью дошедшего до нас греческого материала.

Кроме того, практика показала, что текстуальный анализ дает более надежные и более конкретные результаты, нежели выводы, построенные на общих соображениях. В частности, еще Ф. Ричль почти 150 лет тому назад установил, что оригиналом комедии Плавта *Vaschides* был *Δις ἑξακτάων* Менандра.¹³ Основная аргументация Ф. Ричля заключалась в сопоставлении двух греческих цитат из *Δις ἑξακτάων* (fr. III и II2) и соответствующих мест из Плавта. Так, плавтовское *quem di diligunt, adulescens moritur* (*Vasch.*, vv. 816-817) дословно совпадает с *ὃν οἱ θεοὶ φιλοῦσιν ἀκούσμεν νέος* (fr. III Менандра). В то же время скептическое отношение к текстуальному анализу приводило исследователей к выводу о том, что возведение *Vaschides* Плавта к *Δις ἑξακτάων* Менандра

является и а т к и м.¹⁴ Находка нового текста Менандра подтвердила правильность выводов, основанных именно на текстуальных сопоставлениях. Вот почему мне представляется, что и для решения вопроса о степени самостоятельности Теренция в его прологах желательно опираться не только на общие соображения, но и на анализ текста.

Как известно, прологи обычно приводятся в качестве наиболее своеобразной и самостоятельной особенности творчества Теренция. Во-первых, в своих прологах Теренций (как, впрочем, иногда и Плавт) отказывается от экспозиции; во-вторых, прологи Теренция в значительной мере посвящены литературной полемике. "Это явление принципиально новое в истории античной драмы", — пишет Л.И. Савельева,¹⁵ считая, что Теренций здесь — полностью самостоятелен.¹⁶ Однако в данном случае следует разграничивать два разных вопроса: 1) принципиальная новизна ведения литературной полемики со сцены и 2) самостоятельность Теренция (и Плавта), отказавшегося от экспозиционной функции прологов.

В первом случае Теренций, безусловно, не был оригинален, ибо уже Аристофан использовал комедию в целях ведения литературной полемики гораздо шире. Важно отметить, что сам Теренций видит в этом отнюдь не положительное явление, не достоинство, а недостаток своих комедий, ибо он в и н у ж д е н заниматься в прологах делом, не относящимся непосредственно к действию пьесы (см. пролог к "Андринке"). Поскольку мы не можем проследить, как в прологах Теренция п о я в л я е т с я разбираемая нами особенность, поскольку мы с ней сталкиваемся в готовом виде уже в первой комедии Теренция (причем, с осуждением этого "новшества"!), можно признать весьма правдоподобным предположение тех ученых, которые считают, что Теренций заимствовал его у своих предшественников (например, у Цецилия Стация или Лусция Ланувина).¹⁷ Кроме того, здесь опять следует иметь в виду, что наши сведения о средней и новой аттической комедии слишком фрагментарны. Традиция аристофановской литературной полемики вполне могла продолжаться в последующем развитии аттической комедии.¹⁸

Отсутствие экспозиции в прологах также не является, по-видимому, новшеством римской комической сцены. И.М. Тронский, касаясь вопроса о прологах без экспозиции, в осторожной форме пишет: "Неизвестно, кому это нововведение принадлежит, самому Теренцию или каким-нибудь позднейшим представителям новоаттической комедии" (но не Менандру).¹⁹ Нужно, однако, сказать, что Теренцию это нововведение принадлежать не может по той простой причине, что оно встречается уже у Плавта. Что же касается новоаттической комедии, то в пользу наличия в ней прологов без экспозиции можно привести следующие косвенный аргумент, связанный с анализом конкретного текста.

В прологах комедии Плавта *Trinummus* (ст. 16-17) и "Братьев" Теренция (ст. 22-24) встречаются почти дословно совпадающие строки:

*sed de argumento ne expectetis fabulae:
senes qui huc venient, ei rem vobis aperient.*

(Плавт)

*Denique ne expectetis argumentum fabulae:
senes qui primi venient, ei partem aperient,
in agendo partem ostendunt.*

(Теренций) 20

Это почти полное дословное совпадение первых двух стихов — поразительно. Теренций, очевидно, не мог заимствовать данных стихов у Плавта или перевести одно и то же место из одной и той же греческой комедии (в обоих случаях, с точки зрения римлян, это был бы плагиат). Поэтому остается лишь одно правдоподобное объяснение: оба поэта точно перевели какое-то сочинение — достаточно широко распространенный — штамп из новоаттической комедии. А отсюда можно сделать два важных вывода. Во-первых, места, представляющие собой штампы в *senes*, переводились обоими поэтами слово в слово.²¹ Во-вторых, прологи без экспозиции встречались уже в греческих оригиналах римских комедий.

Обсуждались ли в прологах новоаттической комедии вопросы литературного творчества (как считают некоторые исследователи) или же римские поэты (насколько нам известно, в первую очередь — Теренций) прибегли к своего рода контаминации, объединив литературную проблематику парабас Аристофана (и шире — всего его комедийного творчества) с лишенными экспозитивной функции прологами *νέα*, — на этот вопрос в настоящее время, по всей видимости, ответить не можем. Но в любом случае *ποδινύ* самостоятельность Теренция в прологах, его "новаторство" в использовании сцены для ведения литературной полемики, очевидно, не следует преувеличивать.

Примечания

¹ Ср.: Philemo scripsit, Plautus voritit barbatae (Trin., 19); Demophilus scripsit, Maccius voritit barbatae (Ausin., II) и др.

² Например, Цицерон (De fin., I, 2, 4) относит "Андринку" Теренция к числу пьес, дословно переведенных с греческого (*fabellas Latinae ad verbum e Graecis expressas*).

³ Применительно к Плавту здесь в первую очередь следует указать на предисловие к изданию Ф. Маркса: *Plauti Rudens. Text und Commentar*, Leipzig, 1928 (перезадачено в 1959 г.). Теренций в качестве простого переводчика представлен в статье Г. Яхмана о нем: *Jahman G. Terentius*. — *Pauly Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung*. Herausgegeben von G. Wissowa. Stuttgart, 1934, col. 698-650.

⁴ *Leo F. Plautinische Forschungen*. Berlin, 1896 (особенно III. *Plautus und seine Originale*).

⁵ *Frankel E. Plautinisches im Plautus*. Berlin, 1922. Книга переведена на итальянский язык под названием "Elementi Plautini in Plauto" (Firenze, 1960).

⁶ *North G. The art of Terence*. Oxford, 1923.

⁷ Например: *Pegna R. Originalità di Plauto*. Bari, 1956; *Vianco O. Terenzio. Problemi e aspetti dell' originalità*. Roma, 1962. — Впрочем, аналогичные работы (хотя и с меньшим "креном" в сторону самостоятельности творчества римских комедиографов) можно найти и за пределами Италии:

Roschl V. Die neuen Menanderpapiri und die Originalität des Plautus. Heidelberg, 1973; *Ludwig W. The originality of Terence and his Greek models*. — *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 1968, IX, p. 169-192. Ср. также: *Савельева Л.И.* 1) *Художественный метод Теренция*. Казань, 1960; 2) *Творчество Публия Теренция Афры*. Докт. дис. т. I-II (с общей пагинацией). Казань, 1965 (машинопись).

⁸ См., например: *Fantham E. Neautontimorumenos and Adelphoi: A study of fatherhood in Terence and Menander*. *Latomus*, 1971, vol. XXX, N 4, p. 970-998; *Steidle W. Menander bei Terenz*. — *Rheinisches Museum für Philologie*, N.F., 1974, Bd. II7, Hf. 34, S. 247-276 (сравнение тех же комедий); *Leffevre E. Der Phormio des Terenz und der Epidikazomenos des Apollodor von Karystos*. München, 1978 и др.

⁹ См.: *Agrott W.G. Menander, Plautus, Terence*. Oxford, 1976; а также многие из указанных выше работ.

¹⁰ *Händley E.W. Menander and Plautus: A study in comparison*. London, 1968; *Gaiser K. Die plautinischen Bacchides und Menanders Dis exaraton*. — *Philologus*, 1970, Bd. CXIV, S. 61-87; *Roschl V. Die neuen Menander papiri ...*; *Тронский И.М.* *Комедия Плавта "Bacchides" и новонайденные отрывки ее оригинала*. — В кн.: *Проблемы античной культуры*. Тбилиси, 1975, с. 139-153 (то же: *Тронский И.М.* *Le "Bacchides" Plautine e i frammenti del loro originale*. — In: *Quaderni dell' Istituto di filologia latina del Università di Padova (Bologna)*, 1976, t.4, p. 19-43). См. также в настоящем сборнике статью Н.К. Красавиной "Стихи II-17 отрывков из комедии Менандра *Δις ἑξατάβη* и ст. 494-499 из *Bacchides* Плавта".

¹¹ Ср.: Коетге А. [Rec.] Jachmann G. Plautinisches und Attisches. Berlin, 1931. — In: Göttingische Gelehrte Anzeigen, 1933, S. 354; Arnott W.G. Menander, Plautus, Terence, p. 4.

¹² См., например: Тронский И.М. Новонайденная комедия Менандра "Угрюмец" ("Человеконенавистник"). — Вестник древней истории, 1960, № 4, с. 70-71.

¹³ Ritschl Fr. De Plauti Bacchidibus. Vratislaviae, 1836.

¹⁴ История римской литературы. М., 1959, т. I, с. 68.

¹⁵ Савельева Л.И. Художественный метод Теренция, с. 4.

¹⁶ Савельева Л.И. Творчество Публия Теренция Афры, с. 96. Ср. также: Мартини Э. История римской литературы. СПб.; М., 1912, ч. I, с. 82: "Встречающегося у римских комиков пролога без изложения содержания нельзя усмотреть у поэтов новой комедии". См. также: Випсо О. Terenzio, p. 42, где говорится, что Теренций — первый драматург, использовавший пролог для споров по литературным вопросам.

¹⁷ Так, Ф. Лео (Leo F. Plautinische Forschungen) и Г. Яхман (Jachmann G. Terentius) полагают, что Теренций продолжал лишь то, что уже делал Цецилий Стаций. Косвенно это подтверждается вторым прологом к "Свекрови" Теренция.

¹⁸ Так, например, отмечалось, что в "Сикионце" Менандра пародируется "Орест" Эврипида. См.: Nandley E.W. Notes on "the Sikyonios" of Menander. — Bulletin of the Institute of Classical Studies (Univ. of London), 1965, vol. 12, p. 46-47.

¹⁹ Тронский И.М. История античной литературы. 3-е изд. Л., 1957, с. 311.

²⁰ Выделены совпадающие слова.

²¹ Практика дословного перевода подтверждается самими римлянами (ср. uerbum de uerbo — Теренций, ad uerbum — Цицерон; в обоих случаях — о переводах Теренция), а также известными нам греческими и латинскими текстами, включая Bacchides Плавта и Δις ἑξακτῶν Менандра.

Н.К. Красавина

СТИХИ II-I7

ОТРЫВКА Δις ἑξακτῶν ΜΕΝΑΝΔΡΑ
И 494-499 Bacchides ПЛАВТА

Папирусная находка, благодаря которой впервые стало возможным прямое сопоставление комедии Плавта с ее греческим оригиналом, предварительно опубликованная Э.В. Хэндли в 1968 г.,¹ содержит фрагмент текста из Δις ἑξακτῶν Менандра, соответствующий стихам 494-562 Bacchides Плавта. Несмотря на то что в папирусе нет указаний ни на имя автора, ни на название пьесы, идентификация найденного отрывка с Δις ἑξακτῶν не вызывает сомнений. То, что именно к этой пьесе Менандра восходит комедия Плавта Bacchides, предполагал уже Фр. Ричль,² выводы которого приняты в настоящее время большинством исследователей.

В Bacchides речь идет о том, что вноша Мнесилох узнает от своего раба Хрисала о том, что его подружка Вакхиды отсыкалась. Затем неожиданно он становится свидетелем разговора между стариком Филоксеном и рабом Лидом, наставником его приятеля Нистоклера. Услышав, что Нистоклер любит Вакхиду, и не зная о существовании второй Вакхиды, Мнесилох подозревает, что приятель и подружка его предали. Текст папируса сохранил нам самый конец диалогической сцены из Δις ἑξακτῶν, в которой участвуют вноша Сострат (у Плавта — Мнесилох), раб Лид, носящий в латинском тексте то же имя и являющийся настав-